

L. Kozyrevskaya
BSEU (Minsk)

FOUNDATIONS AND CONSEQUENCES OF RECOGNITION OF CONTRACTS MEDIATING MANAGERIAL RELATIONS IN CORPORATE ORGANIZATIONS AS INVALID

In the presented article, the theoretical and applied aspects of the invalid transaction institution are analyzed in relation to contracts mediating managerial relations in corporate-type organizations. The problem of the impossibility of a general approach to the issue of the consequences of invalid transactions with respect to these contracts is raised and ways to improve legislation are proposed.

Keywords: *management contracts, invalid transactions; business company; disputed transactions; void transactions.*

Л. А. Козыревская
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ ДОГОВОРОВ, ОПОСРЕДУЮЩИХ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ, НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ

В представленной статье анализируются теоретико-прикладные аспекты института недействительной сделки применительно к договорам, опосредующим управленческие отношения в организациях корпоративного типа. Поднимается проблема невозможности общего подхода к вопросу о последствиях недействительных сделок относительно названных договоров и предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: *управленческие договоры, недействительные сделки; хозяйственное общество; оспоримые сделки; ничтожные сделки.*

Популярность организационно-правовых форм юридических лиц, основанных на коллективном членстве, количественный рост таких субъектов в сфере хозяйственных отношений влечет развитие и усложнение внутрисистемных взаимодействий в подобных организациях (корпоративных отношений), что, в частности, отражается в легитимации особых договорных форм, опосредующих динамику этих отношений, в том числе их управленческой составляющей. В законодательстве Республики Беларусь указывается на три договора, которые своим предметом могут иметь порядок осуществления управления, – это договор о передаче полномочий единоличного исполнительного органа, договор об осуществлении прав участника общества с ограниченной ответственностью и акционерное соглашение. В настоящее время правовое регулирование указанных соглашений носит весьма лаконичный характер, что породило дискуссию в правовой науке относительно их правовой природы [1, 2, 3, 4]. Вместе с тем имеющиеся публикации, за редким исключением, [5] своим предметом имеют общие вопросы классификации указанных договоров, определения их места в системе гражданско-правовых договоров. Но, принимая во внимание, что названные соглашения в конечном счете затрагивают права и интересы как участников объединений корпоративного типа, так и третьих лиц, следует проанализировать имеющиеся

механизмы и формы правовой защиты данных лиц применительно к обозначенным договорным конструкциям. Одним из легально закрепленных в ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) способов защиты прав участников гражданских правоотношений является признание сделки недействительной. Соответственно актуальность предлагаемой темы определяется не только в теоретическом, но и в практическом плане, в аспекте совершенствования механизма обеспечения прав и законных интересов участников хозяйственной деятельности.

Поскольку договор, как известно, является двусторонней сделкой, постольку он может быть недействительным в силу порочности его отдельных элементов. С позиций правоприменительной практики проблема недействительности сделок предполагает ответы на вопросы относительно оснований, последствий и порядка квалификации договора в качестве недействительности сделки. Иными словами, нужно проанализировать специфику договоров о передаче полномочий единоличного исполнительного органа, договора об осуществлении прав участника общества с ограниченной ответственностью и акционерное соглашение применительно к общим положениям института недействительных сделок, а также обосновать возможность объединения трех названных договоров в одну группу в интересах настоящего исследования.

Договор о передаче полномочий исполнительного органа упоминается в ст. 53 закона Республики Беларусь от 02.12.1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» (далее – Закон), а также в решениях местных органов. В качестве последнего можно указать на Решение Костюковичского районного Совета депутатов от 29 марта 2019 г. № 8-14, которым утверждена Инструкция «О передаче полномочий исполнительного органа (руководителя) сельскохозяйственной организации по договору другой коммерческой организации (управляющей организации) либо индивидуальному предпринимателю (управляющему), в том числе с правом последующего выкупа предприятия как имущественного комплекса сельскохозяйственной организации по результатам реализации бизнес-плана по ее финансовому оздоровлению». Анализ положений действующего законодательства позволяет заключить, что данный договор является соглашением, заключаемым «на основе решения уполномоченного органа хозяйственного общества, в силу которого управляющей организации (управляющему) на возмездной основе передается функция руководства текущей деятельностью общества» [6, с. 563]. Одновременно в Законе и договор об осуществлении прав участника общества с ограниченной ответственностью, важнейшим из которых является право на управление, и акционерное соглашение позиционируются, в том числе, как договоры, позволяющие согласовать порядок голосования на общем собрании и осуществлять иные действия, связанные с управлением обществом. Безусловно, ст. 901 и ст. 1111 Закона допускают возможность заключения данных договоров и по поводу отчуждения долей (акций), но все же главная цель этих соглашений – выработка согласованной позиции по вопросам деятельности и даже существования общества. Таким образом, можно констатировать, что все три договора объединяет «общая направленность гражданско-правового результата» [7, с. 399] или «характер опосредуемых экономических отношений и правовой результат, на достижение которого направлены договоры» [8, с. 344]. Выделенное сходство позволяет условно обозначить указанные договоры как управленческие, т. е. опосредующие управленческие отношения в корпоративных организациях. С другой стороны, схожесть их предметов, а также функциональное единство и сфера реализации – корпоративные отношения – позволяют рассматривать вопрос недействительности этих сделок как единую проблему.

Не вызывает сомнения, что корпоративные управленческие договоры носят гражданско-правовой характер, хотя в литературе была представлена позиция, согласно которой

акционерное соглашение и договор об осуществлении прав участника общества с ограниченной ответственностью являются решением общего собрания [9, с. 122] и, соответственно, вопрос об их недействительности нужно разрешать с позиций обжалования незаконного решения, т. к. в белорусском законодательстве не легализован институт недействительности локального акта или решения органа управления юридического лица. Не останавливаясь на подробном анализе приведенной точки зрения, поскольку это выходит за пределы предмета настоящей работы, следует отметить, что управленческие договоры заключаются самостоятельными, автономными субъектами (физическими и/или юридическими лицами) на основе их свободного волеизъявления по поводу реализации права на управление, закрепленного гражданским законодательством, что не позволяет сомневаться в оценке этих актов как гражданско-правовых договоров.

Заключение о гражданско-правовой природе управленческих договоров позволяет распространить на них общие положения о недействительных сделках, закрепленные в гл. 9 ГК. Если рассматривать основания недействительности, связанные с дефектом сделки способности субъекта, то нужно отметить, что потенциально договор об осуществлении прав участника общества с ограниченной ответственностью и акционерное соглашение могут быть заключены гражданином, лишенным или ограниченным в дееспособности, а также несовершеннолетним в возрасте от 14 лет. В отношении первых двух групп из перечисленных лиц решения касательно их дееспособности могут быть приняты в период их членства в хозяйственном обществе и, соответственно, контрагенты по указанным сделкам, а также само юридическое лицо не обязаны знать о наличии соответствующего судебного решения. В таком случае нужно признать, что, являясь формально недействительными, данные сделки будут исполняться, т. е. получают качества юридического факта в силу отсутствия механизма оповещения о таких сделках органов опеки и попечительства и (или) опекунов (попечителей). Более того, заключенный с недееспособным корпоративный договор, в соответствии с нормой ст. 172 ГК, являясь ничтожным, и в соответствии с законодательством, не порождающим никаких юридических последствий, к таким последствиям может привести. Например, результатом данного соглашения будет определенное решение общего собрания, которое стало возможным исключительно как итог согласованного голосования.

Поскольку несовершеннолетние могут приобрести корпоративные права по производным основаниям, например, в результате наследования, то возможно и их участие в качестве субъекта в рассматриваемых договорах. Однако, имея ввиду наличие фиксированного членства в хозяйственных обществах и, соответственно, информации, в том числе о дате рождения, в распоряжении общества, вряд ли такие сделки будут совершены. Соответственно, указанное основание недействительности не имеет практического значения.

Особого внимания заслуживают положения ст. 174 и 175 ГК, имеющие отношение к определению сделки способности юридического лица. Так, согласно ст. 174 ГК, к оспоримым сделкам относятся сделки, совершенные юридическим лицом с выходом за пределы его специальной правоспособности. Применительно к договору о передаче полномочий исполнительного органа в качестве таковых могли бы классифицироваться договоры на передачу управленческих полномочий некоммерческим организациям. Однако принимая во внимание императивную норму ст. 53 Закона, содержащую однозначное предписание о передаче функций исполнительного органа коммерческому юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, подобную сделку с участием некоммерческой организации нужно расценивать как сделку, не соответствующую требованиям законодательства (ст. 169 ГК), и считать ничтожной. Относительно

того, включается ли право на заключение корпоративных договоров в объем специальной правоспособности юридических лиц, можно утверждать, что для коммерческих организаций никаких ограничений не существует. Что касается некоммерческих, то однозначный ответ с учетом действующего законодательства дать невозможно. По сути, эта проблема решается на уровне вопроса о правомерности членства некоммерческой организации в хозяйственных обществах, т. к. законодатель наделяет всех участников таких объединений одинаковыми правами и обязанностями, допуская градацию в их реализации только в связи с величиной доли участия в уставном фонде или видом находящихся в собственности акций. Формально никакого запрета или ограничения для участия некоммерческих организаций в корпоративных организациях не существует (разрешительный порядок внесения взносов в уставный фонд, установленный для учреждений и унитарных предприятий, нельзя рассматривать как ограничение права на членство). Думается, что здесь нужно обратить внимание на ст. 31 ГК, указывающую, что в случае ограничения права на осуществление предпринимательской деятельности, ограничивается, в том числе и право на участие в юридических лицах. Соответственно, по аналогии можно заключить, что юридические лица, которым законом запрещена предпринимательская деятельность (например, политические партии), не могут быть участниками хозяйственных обществ. Но применительно к рассматриваемой проблеме можно констатировать, что названное основание недействительности сделок не применимо к управленческим договорам в корпоративной сфере.

Выход за пределы специальных ограничений может иметь место в случае заключения договора о передаче управленческих функций на основании решения неправомочного органа, например, совета директоров, вместо соответствующего решения общего собрания. Недействительность такой сделки очевидна. И здесь стоит отметить наличие конкуренции норм: ст. 175 ГК, которая определяет такую сделку в качестве оспоримой и допускает, что полномочия органа юридического лица на совершение сделки могут быть ограничены, в том числе, законодательством, и ст. 169 ГК, которая определяет сделку, не соответствующую законодательству, как ничтожную. Представляется, что во избежание неоднозначности толкования следовало бы исключить из ст. 175 ГК слова «в законодательстве». Таким образом, основания недействительности сделок, закрепленные в ст. 174, 175 ГК в отношении управленческих договоров, не имеют практического смысла. Иными словами, общие основания недействительности сделок, за исключением нормы ст. 169 ГК о ничтожности сделки, не соответствующей требованиям законодательства, не имеют практической значимости для управленческих договоров в сфере корпоративных отношений. Вместе с тем в законодательстве закреплены специальные положения относительно недействительности указанных соглашений.

В соответствии с Законом корпоративный договор не может включать условия, предписывающие голосовать согласно указаниям органов управления общества, такой договор не может быть заключен в отношении всех долей (акций) в уставном фонде этого общества. Соответственно, можно заключить, что в ситуациях существования соглашений, нарушающих данные запреты, они должны признаваться недействительными. Здесь нужно отметить, что, с одной стороны, отсутствуют нормативно определенные последствия совершения таких сделок, с другой – можно трактовать эти сделки как недействительные по правилам ст. 169 ГК. При реализации второго подхода данные договоры должны быть классифицированы как ничтожные сделки, но далеко не всегда из содержания договора будет очевидно нарушение указанных запретов, что предопределяется сложностью и спецификой корпоративных отношений. Например, стороной акционерного соглашения может быть единственный исполнительный орган,

выступающий в нем в качестве акционера и получающий при определенных условиях право голосовать от имени всех остальных участников. Иными словами, соблюдение или несоблюдение требований законодательства применительно к этим договорам требует специального рассмотрения, поэтому следовало бы прямо закрепить в законодательстве, что подобные соглашения являются оспоримыми сделками и, следуя традициям Закона, определить круг лиц, которые могут оспаривать подобные сделки, ибо трудно предположить, что участники такой сделки обратятся с соответствующим требованием.

Что касается последствий признания управленческих договоров недействительными, то здесь также следует отметить невозможность или, по крайней мере, недостаточность применения последствий недействительности сделок, закрепленных в ГК. Так, возвращение сторон в первоначальное положение не решит проблему восстановления нарушенных прав, поскольку все управленческие договоры не являются самоцелью для их участников, действительный интерес субъектов таких соглашений лежит за пределами данной договорной конструкции, а договор лишь создает условия для реализации этого интереса. Думается, что отменять принятые на основе названных договоров управленческие решения, во-первых, нет очевидных нормативных оснований, а во-вторых, такая отмена может повлечь существенный ущерб правам и охраняемым интересам третьих лиц. Поэтому результатом признания управленческих договоров недействительными может быть только прекращение их действия на будущее время (ч. 1 ст. 168 ГК). При этом, однако, необходимо учесть, что правам и законным интересам самого общества и его участников управленческими договорами, заключенными с нарушением требований законодательства, может быть причинен существенный ущерб. Прекращая действие этих договоров только на будущее время, мы, тем самым, будем легализовывать допущенные правонарушения и поставим под сомнение принцип защиты законных прав и интересов. Для разрешения указанного противоречия нужно закрепить в Законе, в ст. 901 и 1111 соответственно специальные последствия для договоров, нарушающих нормативные запреты, в виде возмещения убытков для юридического лица и (или) его участников. Кроме того, следует включить в Закон специальную статью «Договор о передаче полномочий исполнительного органа», которая бы определяла специфику, условия заключения данного договора, а также основания и меру ответственности его субъектов и последствия недействительности этого соглашения.

Договоры об осуществлении прав участника общества с ограниченной ответственностью, акционерное соглашение и договор о передаче полномочий исполнительного органа общества объединяет общая цель: разрешить организационные вопросы управления, что, как следствие, приводит к единству методологии определения и законодательного закрепления последствий недействительности этих договоров. В частности, можно заключить, что данные договоры могут вследствие своей недействительности быть прекращены только на будущее время.

Основания недействительности управленческих договоров можно систематизировать на общие, закрепленные в ГК в качестве оснований недействительности сделок, и специальные, закрепленные в специальных нормативных актах. Причем из числа первых для рассматриваемых договоров практическое значение имеют только положения ст. 169 ГК.

Анализ специальных оснований недействительности управленческих договоров позволил обосновать необходимость изменения действующего законодательства в аспекте прямого закрепления оснований недействительности названных договоров, порядка признания их таковыми и последствий их недействительности в виде возмещения убытков юридическому лицу, в отношении которого был заключен соответствующий договор, и участникам данной организации.

Источники

1. Козлова, Н. В. Гражданско-правовой статус органов юридического лица / Н. В. Козлова // *Хозяйство и право*. – 2004. – № 8. – С. 42–60.

Kozlova, N. V. The civil status of the bodies of a legal entity / N. V. Kozlova // *Economy and Law*. – 2004. – N. 8. – P. 42–60.

2. Тимофеева, А. А. Проблема квалификации договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа как договора коммерческого представительства / А. А. Тимофеева // *Вопросы российской юстиции*. – 2020. – № 5. – С. 171–175.

Timofeeva, A. A. The problem of qualification of the contract on the transfer of powers of the sole executive body as a contract of commercial representation / A. A. Timofeeva // *Issues of Russian justice*. – 2020. – No 5. – P. 171–175.

3. Малая, Т. Н. Акционерное соглашение: понятие и правовая природа / Т. Н. Малая, Т. И. Илюшина // *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»* [Электронный ресурс]. – 2020. – Т. 8. – № 4 (32). – С. 154–161. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktsionernoe-soglashenie-ponyatie-pravovaya-priroda/viewer>. – Дата доступа: 29.11.2022 г.

Malaya, T. N. Joint-stock agreement: concept and legal nature / T. N. Malaya, T. I. Ilyushina // *Electronic scientific journal “Science. Society. The State”* [Electronic resource]. – 2020. – Vol. 8 – No. 4 (32). – P. 154–161. – Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktsionernoe-soglashenie-ponyatie-pravovaya-priroda/viewer>. – Date of access: 11.29.2022.

4. Архипченко, Е. Договор об осуществлении прав участников ООО / Е. Архипченко // *Хозяйство и право*. – 2010. – № 3 (398). – С. 74–80.

Arkhipchenko, E. Agreement on the exercise of the rights of LLC participants / E. Arkhipchenko // *Economy and Law*. – 2010. – No. 3 (398). – P. 74–80.

5. Гребенюк, М. А. Недействительность корпоративного договора / М. А. Гребенюк // *Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы V Международной научно-практической конференции* : Т. 1 2016. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – С. 194–196.

Grebenyuk, M. A. Invalidity of a corporate contract / M. A. Grebenyuk // *Problems of modern legislation of Russia and foreign countries : materials of the V International Scientific and Practical Conference* : Vol. 1, 2016. – Irkutsk : Irkutsk Institute (branch) VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2016. – P. 194–196.

6. Козыревская, Л. А. Договор о передаче полномочий исполнительного органа хозяйственного общества в законодательстве государств – членов ЕАЭС / Л. А. Козыревская // *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. – Минск : БГЭУ, 2022. – Вып. 15. – С. 558–564.

Kozyrevskaya, L. A. Agreement on the transfer of powers of the executive body of a business company in the legislation of the EAEU member States / L. A. Kozyrevskaya // *Scientific works of the Belarusian State University of Economics*. – Minsk : BSEU, 2022. – Issue 15. – P. 558–564.

7. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая: общие положения. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский ; изд. 2-е. – М. : Статут, 2003. – 848 с.

Braginsky, M. I. Contract law. Book one: General provisions / M. I. Braginsky, V. V. Vitryansky; ed. 2-E.-M. : Statute, 2003. – 848 p.

8. Годунов, В. Н. Классификация гражданско-правовых договоров и ее аспекты / В. Н. Годунов // *Право в современном белорусском обществе : юбилейный сб. науч. тр.*,

посвященный 20-летию Нац. центра зак-ва и прав. исслед. Респ. Беларусь / Нац. центр зак-ва и прав. исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2017. – Выпуск 12. – С. 341–350.

Godunov, V. N. Classification of civil law contracts and its aspects / V. N. Godunov // Law in modern Belarusian society : jub. collect. of scientific papers devoted to 20th anniversary of the Nat. center for legislation and legal research of the Rep. of Belarus / National center for legislation and legal research Rep. Belarus ; editorial Board: N. A. Karpovich (chief editor) [and others]. – Minsk: Biznesofset, 2017. – Issue 12. – P. 341–350.

9. Андреев, В. К. Корпоративное право современной России: монография / В. К. Андреев, В. А. Лаптев. – М. : Проспект, 2016. – 240 с.

Andreev, V. K. Corporate law of modern Russia: monograph / V. K. Andreev, V. A. Laptev. – M. : Prospect, 2016. – 240 p.

Статья поступила в редакцию 02.12.2022 г.

УДК 34.096

M. Kolasava
BSEU (Minsk)

GOVERNMENT PROCUREMENT IN THE LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Government procurement is traditionally a topical issue of discussion in the legal community both in terms of application of existing rules in practice and in the development of theoretical provisions. Traditionally, procurement refers to the area of civil law, which is associated with the original prototype of analogous legal relations – supply for state needs. At the same time, the complexity and mobility of social relations in the sphere of procurement have predetermined the need for continuous prompt improvement of their legal regulation at various levels, which is ensured not only by the rules of civil legislation. At the present stage of development it is impossible to carry out legal regulation of this sphere of legal relations by means of single legal prescriptions, which predetermines the need for a comprehensive legal impact. The article analyzes the correlation of government procurement with various branches of law, defines the place of government procurement in the legal system of the Republic of Belarus.

Keywords: *procurement; government procurement; government procurement contract; electronic trading platform; subject of legal regulation; institute of law; intersectoral institute; comprehensive law institute; system of law; “borderline” intersectoral institutes.*

M. В. Колосова
БГЭУ (Минск)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ В СИСТЕМЕ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Государственные закупки традиционно являются актуальной темой обсуждения в юридическом сообществе как с точки зрения применения действующих норм на практике, так и в рамках разработки теоретических положений. Традиционно закупки относят к сфере действия гражданского права, что связано с первоначальным прототипом аналогичных правоотношений – поставкой для государственных нужд. В то же время сложность и мобильность общественных отношений в сфере закупок предопределили необходимость постоянного